

Э. В. Ртвеладзе

КУШАНСКАЯ КРЕПОСТЬ КАМПЫР-ТЕПЕ

(Исследования и открытия)

Проблема гипотезы и особенно внутренней структуры многочисленных кушанских поселений Бактрии — одна из наименее изученных в кушанской археологии, поскольку для решения этой проблемы привлекаются главным образом археолого-топографические данные визуального порядка¹. Доля стационарных исследований здесь незначительна из-за небольшого числа памятников, вскрытых на достаточно больших площадях. Тем не менее совокупность даже этих данных позволила ряду исследователей перейти от простой констатации фактов к исторической интерпретации особенностей развития кушанских народов и поселений².

Имея в виду эту особенность, нами была поставлена задача выяснения генезиса, эволюции и структуры небольшого кушанского поселения. Наиболее перспективным в этом отношении среди обследованных нами более, чем сотни кушанских поселений Северной Бактрии представилось Кампыр-тепе (иначе Кафир-кала), где вскрытие больших площадей облегчено спецификой рельефа и отсутствием позднейших перестроек после упадка поселения в конце правления кушанского царя Канишки.

Кампыр-тепе находится в Гагаринском районе Сурхандарьинской области, на правом берегу Амударьи, в 1,5 км к западу от кишлака Шуроб. Уже на основе данных, полученных при рекогносцировочных исследованиях 1972 г., это поселение трактовалось как небольшой кушанский городок, возникший в греко-бактрийское время при одной из древнейших переправ через Окс-Амударью. Нами было высказано предположение о возможном отождествлении комплекса поселений Кампыр-тепе и Шуроб-Курган с упомянутым у персидского автора XV в. Хафиза-и Аbru местечком *Paḡdaṛwī* (реконструкция В. Б. Хеннинга), название которого, согласно мнению В. Ф. Минорского, восходит к греческому слову *καὶδοῦσιον* «гостиница»³.

¹ Юркевич Э. А. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии. — СА, 1965, № 4; Ртвеладзе Э. В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана. — В сб.: Бактрийские древности, Л., 1976, с. 93—103; Пидаев Ш. Р. Сельские поселения Северной Бактрии. Ташкент, 1978, с. 15—28; Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия. М., 1978, с. 42—47.

² Пузаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978; Ртвеладзе Э. В. О генезисе кушанских поселений Северной Бактрии. — ВДИ, 1978, № 4, с. 113—116; Литвинский Б. А. Кушанский город Индии и Средней Азии. — НАА, 1979, № 3; Массон В. М. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии. — В кн.: Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 3—12.

³ Ртвеладзе Э. В. К локализации греческой переправы на Оксе. — ВДИ, 1977, № 4, с. 181—187.

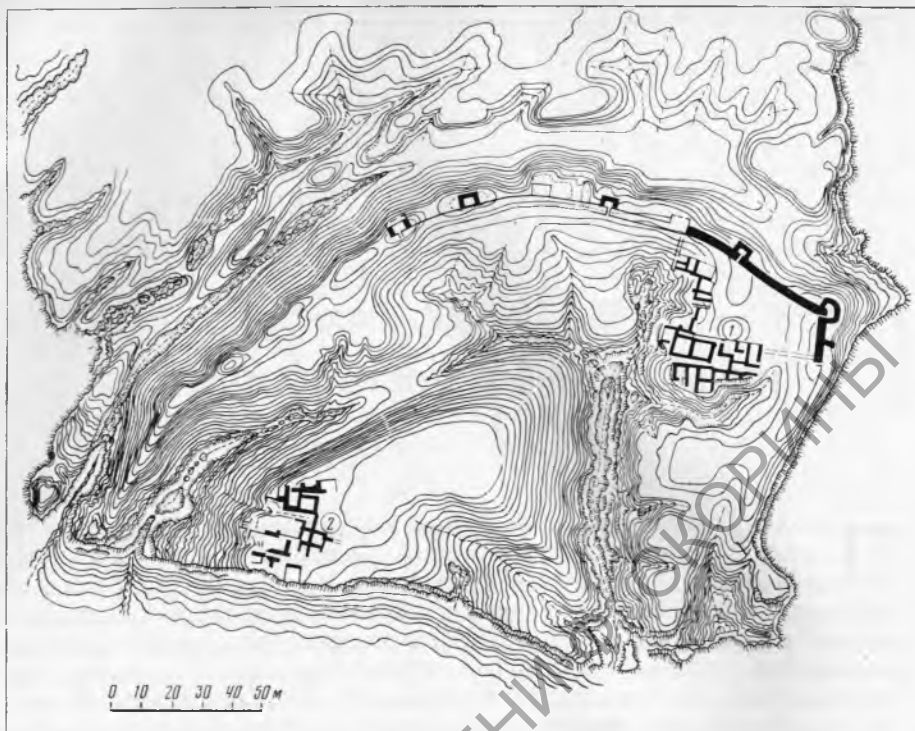

Рис. 1. План крепости Кампыр-тепе¹

Начатые здесь в 1979 г. и продолженные в 1982—1983 гг. отрядом Узбекской искусствоведческой экспедиции⁴ археологические раскопки если еще не дали достаточно убедительных материалов для подтверждения этой гипотезы, то принесли ряд важных открытий в области духовной и материальной культуры Кушанской Бактрии. Это погребальные постройки уникального типа, связанные с зороастризмом, определение структуры кушанской крепости и правомерности применения к ней бактрийского термина *малиço*, уточнение состава монетной массы. Особо же значимо открытие древнейших из известных сейчас бактрийских рукописей на бересте, относящихся к первой половине II в. н. э. Эти рукописи на несколько столетий старше всех прежде известных бактрийских рукописей («лондонский» фрагмент предположительно IV в. н. э. и берлинские «эфталитские» фрагменты VIII—IV вв. н. э. из Туйока — Восточный Туркестан)⁵. Они являются древнейшими известными нам рукописными текстами на автохтонных языках Средней Азии.

ТОПОГРАФИЯ И СТРУКТУРА ПОСЕЛЕНИЯ

Выбор места для постройки крепости Кампыр-тепе был продиктован тремя главными обстоятельствами: стратегической важностью местоположения данной местности, расположенной при переправе через Окс на караванном пути из Бактр в Согд (через Железные ворота), исторической традицией, согласно которой находящаяся здесь переправа была древнейшей переправой через Окс, использовавшейся еще в эпоху бронзы и, возможно, неолита, а также природными условиями. Рельеф данной

⁴ В состав отряда помимо автора статьи входили: архитектор И. П. Лунькова, археологии М. Х. Исхаков, В. Голышкина, С. А. Савчук, А. Алабергенова.

⁵ Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М. 1981, с. 324; *Gershevitch J. The Bactrian Inscription and Manuscripts.* — *Indogermanische Forschungen*, 1967, Bd. 72, 1/2. Heft, B., 1967, S. 39.

местности характеризуется наличием высокой лессовой террасы с небольшим всхолмлением, изрезанной сетью оврагов и ложбин, образующих в ряде мест подобие «цирков». Они были умело приспособлены для рвов и крепостных стен, направление которых определялось в основном ориентацией естественной возвышенности, где они были возведены. Поэтому общий план укреплений части крепости не имеет четкого прямоугольного или квадратного абриса. Создание здесь мощной крепости, таким образом, было обусловлено разумным сочетанием естественных защитных преград: оврагов, возвышений, с южной стороны — реки Окс, и искусственных сооружений — крепостных стен и рвов, защищающих крепость с напольной стороны.

Кампыр-тепе, судя по археолого-нумизматическим данным, прекратило свое существование сразу же после правления царя Канишки, поэтому в микрорельефе поселения отражена реальная структура крепости, сложившаяся в великокушанское время и не нарушенная никакими позднейшими перестройками. Поселение состоит из крепости и неукрепленной части, расположенной с западной и восточной сторон от крепости. Общая протяженность поселения по крайним пределам распространения керамики и наличию каких-либо построек — с запада на восток 750 м, с севера на юг — 200—250 м (южная часть поселения частично смыта) (рис. 1).

Крепость. Общие размеры: запад — восток — 275 м; север — юг — 175 м, ориентирована по странам света с небольшим отклонением от осей, площадь 4 га. В структуре крепости выделяются две основные части: I — цитадель, II — территория между цитаделью и внешней крепостной стеной, занятая в основном жилыми массивами — блоками.

I часть — цитадель — расположена на краю высокой террасы, в центре крепости, с южной стороны она частично смыта. Протяженность по оси запад — восток — 150 м, север — юг — 100 м, площадь 1,3 га. В юго-восточном углу цитадели прослеживается широкая ложбина, полого спускающаяся вниз; возможно здесь находился въезд. Вершина цитадели

плоская, высота от уровня поймы с южной стороны 22 м, с северной — до уровня дна рва 5 м. В западной части цитадели по верхнему строительному горизонту расчищен большой участок застройки, состоящий из разноразмерных помещений, соединенных между собой проходами. Судя по специфике культурного слоя (очажные пятна, зола) и характеру находок (керамика, кости, зернотерки, прясла, грузила), эти помещения имели жилое и хозяйственное назначение. Одно из помещений определено как хумхана. В юго-восточном углу цитадели и частично вдоль восточного фаса, от ее подножья и почти до самой вершины зафиксированы мощные сбросовые мусорно-зольные слои, образовавшиеся, вероятно, в результате очистки помещений от напластовавшегося со временем мусора. По внешнему абрису цитадель была защищена мощной крепостной стеной, которая, судя по вскрытому участку восточной стены, достигала в толщину около 5 м и была сооружена из сырцового кирпича. С восточной стороны основная стена была дополнительно защищена небольшими барьерными стенками, возведенными по склону холма. В центре восточной стены — монолитный бастион с прямоугольной в плане, выступающей вперед башенкой на углу.

Верхний строительный горизонт на цитадели датируется монетами Кадфица II и Канишки I; когда возведены стены цитадели, пока не ясно, но, скорее всего, это произошло во времена Сотера Мегаса.

Судя по полученным данным, цитадель Кампыр-тепе не была только военно-оборонительным сооружением, но предназначалась для постоянного обитания достаточно большого коллектива людей, возможно, гарнизона. Пока здесь не обнаружено ни дворца правителя, ни каких-либо административных или культовых зданий, считающихся почти неизменной принадлежностью цитаделей. Это позволяет считать, что цитадели разнотипных городищ и поселений не обязательно имели одинаковую структуру, напротив, они различались по своему содержанию и назначению.

II часть — собственно поселение. Структура второй части Кампыр-тепе определяется наличием следующих составных единиц: внутреннего рва, жилых массивов застройки, крепостной стены с башнями и внешнего рва. Внутренний ров отделяет первую часть от второй, являясь дополнительным рубежом для укрепления обороноспособности «цитадели». Ров, судя по его стратиграфии, искусственного происхождения, в настоящее время он сильно заплыл и несколько деформирован, ширина 10—12 м, глубина от верхней точки цитадели 5 м (с северной неразрушенной части).

Массив жилой застройки, охватывающий ров с трех сторон, расположен в виде амфитеатра, в котором помещения одного и того же здания, начиная от крепостной стены, спускаются вниз по рву ступенчатыми террасами, вырубленными в материковом лессе. Плотность застройки всей части неодинакова. Наибольшая концентрация зданий наблюдается в восточной половине, которая, начиная от крепостной стены, полностью занята под жилую застройку. Судя по микрорельефу, она состояла из четырех (?) отдельных блоков, включающих множество помещений. Эти жилые массивы-блоки, по всей вероятности, разделялись между собой узкими «улочками» или сводчатыми галереями, на месте которых в настоящее время образовались овраги и промоины.

Раскопками уже сейчас почти полностью вскрыт один из таких массивов-блоков, расположенных в северо-восточном углу (блок-здание 1), частично еще один, примыкающий непосредственно к крепостной стене.

Здание построено на четырех террасах, вырубленных в материковом лессе, причем уровень пола помещений первой (нижней) террасы на 3,5 м ниже пола верхней (четвертой террасы), а перепад уровней полов помещений второй и третьей террас составляет 2 м. «Обрезы» террас дополнительно обкладывались стенами из квадратного сырцового кирпича (40 × 40 × 12 см), внутренние грани которых покрывались толстым (до 1,5 см) слоем глино-саманной и тонким слоем известковой штукатурки.

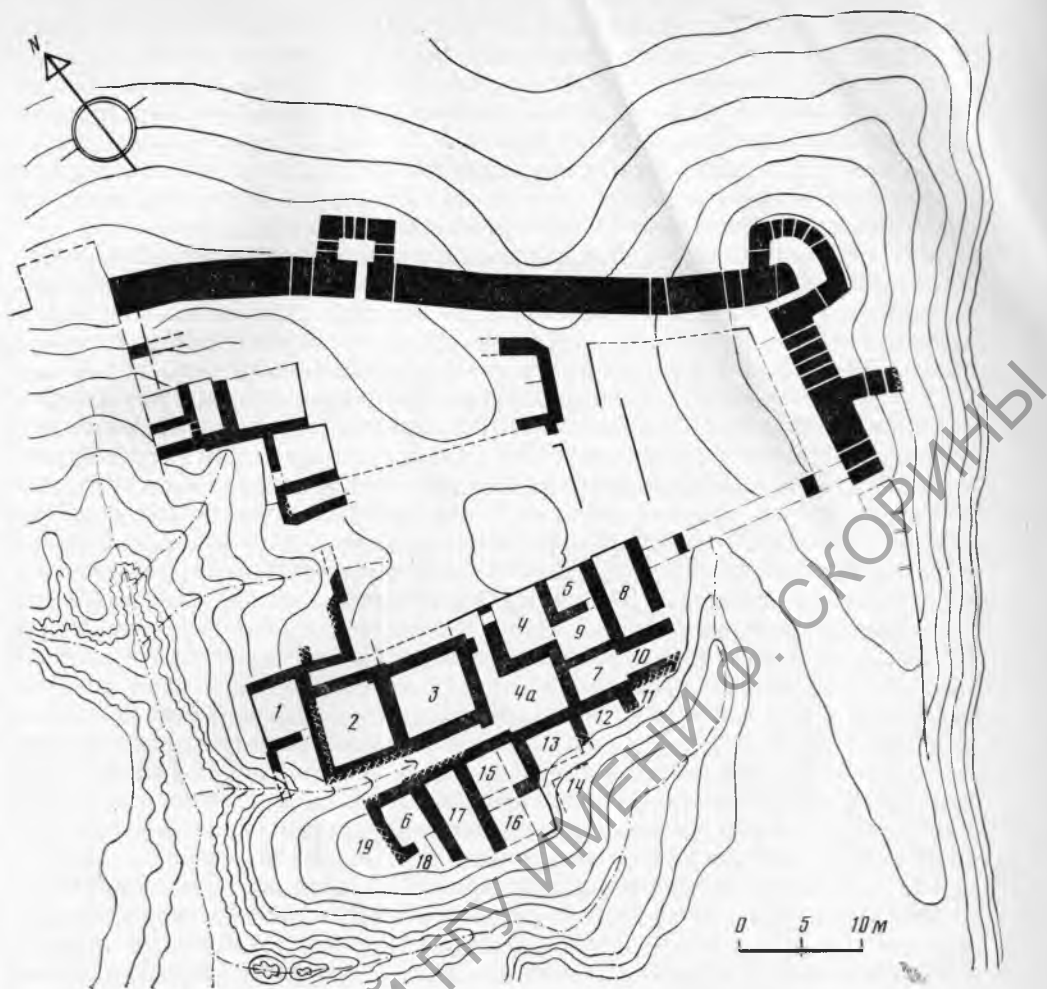

Рис. 2. План участка крепостной стены и здания 1

В планировочной структуре здания выделяется центральное ядро из двух помещений с П-образным коридором, по четырем сторонам которого группируются помещения различных размеров и функционального назначения. Верхнее помещение 3 ($5,75 \times 5,17$ м) в центральном ядре здания, видимо культового характера, с хорошо утрамбованным полом, покрытым тонким слоем глиняной смазки и стенами, тщательно покрытыми известковой штукатуркой; характер находок в нижнем помещении 2, прямоугольном в плане ($4,90 \times 5,75$ м), и специфика культурного слоя позволяют считать его трапезной (рис. 2).

Характерно распределение помещений этого здания по функциям: помещения, устроенные на первых двух нижних террасах, как правило, хозяйственного и производственного назначения. В частности, одно из помещений (1) представляло собой мастерскую, где изготовлялись каменные архитектурные детали. Помещения, расположенные на верхней террасе, иного назначения, одно из них культовое, другое (9), где найдены рукописи, служило, вероятно, своего рода хранилищем документов. Любопытно отсутствие в здании большого зала-мехмонханы и айвана, которые были неслучайно принадлежностью крупных построек кушанского времени. Общие границы здания пока не определены, однако очевидно, что с севера оно примыкало к другому большому зданию, а южной

стороной было обращено ко рву. Восточной стороной здание, вероятно, выходило на узкую улочку, отделявшую его от крепостной стены, тогда как с южной аналогичная «улочка» или крытый проход отделяли его от другого большого здания. Стены здания ориентированы по сторонам света с небольшим отклонением от осей.

Судя по стратиграфии, здание имело два периода обживания, хорошо датированные монетами: первый — Кадфиза II, второй Канишки, никаких более ранних и более поздних материалов здесь не обнаружено.

Если восточный сектор был полностью занят массивом жилой застройки, то иной была планировка северного сектора. В центре его, вероятно, располагалась площадь и лишь в северо-западном секторе находятся два отдельно стоящих массива, вероятно, представлявших собой какие-то здания. Западный сектор II части вообще лишен застройки, поскольку здесь внешняя крепостная стена непосредственно смыкается с внутренним рвом (см. план рис. 1). Крепостная стена, охватывающая поселение с трех сторон, прослежена вдоль восточного фаса и до половины северного по внешнему абрису. Она возведена из квадратного сырцового кирпича на лесовом основании, ширина стены — 3 м. С внешней стороны она фланкирована башнями, равномерно расположенными вдоль всего северного фаса на расстоянии 16—16,5 м. В куртинах стреловидные бойницы, по пять-шесть в каждой. Башни прямоугольные в плане (5,8 × 3,5 м), с внутренним помещением (2,7 × 1,8 м); в северных стенах башен по три бойницы, в западной и восточной — по две. Северо-восточный угол крепости фланкирован полуовальной в плане башней, в 5,5 м от нее у восточного фаса стены сохранились остатки мощного бастиона шириной 16 м. Восточная часть его смыта. Других башен у восточной стены не обнаружено. С внутренней стороны стены — стрелковая галерея шириной 1,7 м, выходы из которой ведут к жилой застройке, в ряде мест непосредственно примыкающей к внутренней стене стрелковой галереи. С внешней стороны крепостную стену окружает ров шириной около 10 м.

III. Неукрепленная часть. В этой части поселения в основном сосредоточены погребальные и культовые постройки; наличие здесь жилых зданий пока не установлено. Вся территория к северу от крепости лишена каких-либо построек. Это сделано, видимо, в интересах обороны. К западу от крепости также отсутствуют какие-либо следы ее обживания, на расстоянии 250—300 м здесь находятся девять продолговатых холмов, вытянутых в три ряда с юго-запада на северо-восток на 160 м, а с юго-востока на северо-запад на 60 м. Общая площадь занятой ими территории около 1 га. Размеры холмов различны: самый большой — длина 20 м, ширина — 15 м, три — 5—6 × 3—4 × 0,5 м. На вершинах этих холмов имеются погребальные сооружения, описание которых дано ниже.

Территория к востоку от крепости, за рвом, была застроена более плотно. В 60 м от рва здесь располагалось прямоугольное в плане погребальное здание. Несколько далее к востоку от него имеется еще одно подобное (?) здание, пока еще не раскопанное. В 40 м от первого здания расчищена керамическая печь, а рядом с ней остатки несложного помещения, возможно, мастерской керамиста. Судя по некоторым данным, печь была сооружена несколько позднее, чем погребальное здание. Между ним и рвом отмечено сооружение, возможно, культового назначения. Холмы ближе к обрыву террасы насыщены фрагментами керамики, видимо, указывающими на имевшиеся здесь жилые (?) постройки, разрушенные под воздействием природных факторов. Площадь восточного сектора неукрепленной части около 3 га.

Стратиграфические наблюдения и находки, в основном керамика, позволяют считать, что начало обживания восточного сектора неукрепленной части совпадает по времени с первым периодом, отмеченным в здании 1 внутри крепости, датированным монетами Кадфиза II. Запустение этой территории также совпадает с общим запустением крепости. Общие хронологические

рамки существования крепости и последовательность сооружения различных ее структурных единиц, как представляется на данном этапе изучения, таковы. Первоначально, вероятно, в правление Сотера Мегаса была сооружена цитадель и внешние стены крепости. При следующих кушанских царях Кадфизе II и Канишке (т. е. во второй половине I — первой половине II в. н. э.) застраивается территория внутри крепости, а за ее пределами в восточном и западном секторах возводится комплекс погребальных построек. Судя по отсутствию на поселении монет Хувишки и других позднекушанских царей, крепость прекращает свое существование в конце правления Канишки или в начале правления Хувишки. Причины запустения крепости пока не ясны.

Рассмотрение топографии крепости Кампыр-тепе позволяет поставить вопрос о правомочности применения к данному типу поселения или его составным частям бактрийских терминов. Таких терминов выявлено к настоящему времени только два. Один из них *ραυροσ-ανο* (*sahristan*) служил, по всей вероятности, как и в персидском языке, обозначением города⁶ или основной его части и вряд ли применим по отношению к Кампыр-тепе. Но анализ второго — хорошо известного — бактрийского термина *μαλιζο* в этом аспекте представляется нам небесполезным. Термин *μαλιζο* зафиксирован только в двух бактрийских надписях монументальным письмом: из Сурх-Котала и Айртама. В большой сурх-котальской надписи это слово употребляется в пяти строках. Первый ее исследователь А. Марик возводил *μαλιζο* к древнеиранскому **mazza* «дом», восстаиваемому им из хотано-сакского *malysaka* (*malzakā*), придавая последнему значение «глава дома»⁷. Однако Я. Харматта позднее показал, что слова *malysaka* с подобным значением в хотано-сакском языке нет. К тому же, как считает В. А. Лившиц, *μαλιζο* никак не может историко-фонетически восходить к **mazza*. Иной перевод слова *μαλιζο*, чем А. Марик, предложил В. Б. Хеннинг, который считал, что оно содержит в себе древнеиранское *dīza* «крепость, цитадель» и начальное *ma*, являющееся, по его мнению, рефлексом древнеиранского **ham(a)* < **hama-dīza* «сплошь укрепленный». Это толкование остается до сих пор наиболее признанным, несмотря на различие в толковании отдельных частей слова *μαλιζο*⁸. Так, Я. Харматта, сопоставляя начальные *ma* с древнеиранским корнем **mā(y)* «мерить, отмерять», откуда он выводил подобное его значение «сооружать, строить», и реконструировал некое **mā-dīza*⁹. Однако предложенная им этимология, по мнению В. А. Лившица, несостоятельна¹⁰. Слово *μαλιζο* в большой сурх-котальской надписи, согласно мнению Я. Харматты, могло переводиться как «здание (сооружение), окруженное стенами»¹¹. Позднее И. Гершевич предложил толковать *μαλιζο* как *mā* (артикл женского рода) и *liz(o)* («крепость»), считая, что начальное *ma* восходит к древнеиранскому *ima* — «этот»¹², но, по мнению В. А. Лившица, возведение *μαλιζο* к **hama-dīza* предпочтительно.

В надписи на постаменте скульптурного блока из Айртама, найденной в 1979 г., слово *μαλιζο* употреблено в стк. 3. Начало ее сильно разрушено: . . .οφ. . .χ? . . .ρα/ρο/δια κηρο — «. . .Шудиа сделал», но далее текст сохранился лучше: οτι αμα αβο μαλιζο ωσταδο «. . .и другое (?) в акрополе он установил...»¹³.

⁶ *Gershevitch*. Op. cit., S. 39.

⁷ *Mazieg A.* La grande inscription de Kaniska et l'épéotokharien l'ancienne langue de la Bactriane.— JĀ, 246, 1958.

⁸ *Henning W. B.* The Bactrian Inscription.— BSOAS XXIII, 1, 1960, p. 49.

⁹ *Harmatta J.* The Great Bactrian Inscription.— AAASH, 12, 1964, p. 427.

¹⁰ Письмо В. А. Лившица автору от 15 мая 1983 г. Автор приносит глубокую благодарность В. А. Лившицу за ценные советы.

¹¹ *Harmatta*. Op. cit., p. 427.

¹² *Gershevitch J.* The Well of Baglan.— AM, XII, 1966.!

¹³ *Тургунов Б. А., Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В.* Открытие бактрийской надписи в Айртаме.— ОНУ, 3, Ташкент, 1981, с. 46.

При всех расхождениях в трактовке этимологии *μαλιζο* и его составных частей значение этого слова и его перевод «акрополь, крепость», предложенный В. Б. Хеннингом, остается общепризнанным. Но не менее важен вопрос об историко-топографическом содержании этого термина и его применении для обозначения определенного типа поселения или отдельной части поселений Бактрии. В этом плане небезынтересно рассмотреть топографическую структуру Айртама и Сурх-Котала, где надписи подтверждают существование в них *μαλιζο*, и Кампыр-тепе. Можно ли Кампыр-тепе как определенный тип поселения-крепости сопоставлять с *μαλιζο*, или это только его часть — цитадель?

Структура Сурх-Котала благодаря исследованиям французских археологов представляется достаточно ясной. На вершине естественного холма, в центре квадратного двора расположено приподнятое на высокой прямоугольной платформе уступчатой композиции главное святилище, окруженное двором, который в свою очередь обведен мощными стенами, фланкированными прямоугольными башнями с квадратными камерами. К востоку от всего этого сооружения от вершины холма спускаются несколько искусственных террас, в центре которых проложена широкая лестница, ведущая в святилище.

Кроме того, весь холм по периметру охватывала еще одна внешняя стена с прямоугольными башнями. Позднее внутри двора и за внутренней крепостной стеной были возведены два небольших храма¹⁴.

В типологической системе бактрийских памятников Сурх-Котал занимает особое место, определяемое его назначением как целиком культового памятника, не несущего каких-либо гражданских и хозяйственных функций. В этом аспекте Айртам значительно отличается от Сурх-Котала — это прежде всего поселение со всеми характерными для него функциями, сложившееся при переправе через Окс, но, кроме того, это и крупный идеологический центр, правда иного культа, ибо в Сурх-Котале господствовал династийный культ кушан, а в Айртаме — буддизм. При всем различии общего типа памятники Айртам и Сурх-Котал объединяет наличие в надписях сходных терминов *βαγαλαγο* и *μαλιζο*.

Структура Айртама также достаточно определена, хотя и не в такой степени, как структура Сурх-Котала. Он состоит из укрепленной части, расположенной в западной стороне поселения, и неукрепленной, вытянутой вдоль правого берега Амударьи с востока на запад на 3 км, а с севера на юг на 0,5 км. Согласно М. Е. Массону, укрепленная часть занимала площадь 250 × 110 м и с трех сторон (кроме южной, обращенной к реке) была обнесена стеной, фланкированной по западному фасу тремя мощными башнями¹⁵. В юго-западном ее углу находится естественный холм (400 × 35—50 м по М. Е. Массону и 50 × 30 м по Б. А. Тургунову), вершину которого в кушанское время занимал комплекс буддийских построек со ступой в центре, севернее ее — группа помещений и лестничная клетка, ведущая в подвальную комнату. Западнее ступы находилось еще несколько помещений (из одного из них и происходит скульптурный блок с надписью), а южнее — культовая комната (М. Е. Массон называет ее святилищем), в центре ее обнаружен квадратный постамент, а вокруг него — каменное основание реликвария и фрагменты алебастровой статуи Будды. К югу от этого помещения были найдены семь плит скульптурного фриза, вероятно, оформлявшего вход в него. Пространство вокруг холма до стены занимал двор, лишенный, как можно судить по микрорельефу, каких-либо построек¹⁶.

¹⁴ Schlumberger D. Le temple de Surkh Cotal. — JA, 243, 1955 p. 275; *idem*. The excavations at Surkh Cotal and the problem of Hellenism in Bactria and India. — Proceedings of the British Academy, v. 47, Oxf., 1961, p. 77—95.

¹⁵ Массон М. Е. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент, 1976. с. 60.

¹⁶ Там же, с. 81—84.

Итак, в Айртаме и Сурх-Котале имеется ряд одинаковых структурных частей, в частности культовый комплекс (хотя разных культов и иной планировки), размещенный на естественном холме внутри двора, обведенного мощными крепостными стенами с башнями.

Учитывая топографическую структуру обоих памятников, можно полагать, что термин *βαχάλαγο*, означающий, по мнению В. Б. Хеннинга, храм, алтарь, святилище¹⁷, в Сурх-Котале обозначал династийное святилище кушан, тогда как в Айртаме этот термин прилагался к комплексу буддийских построек, занимающих естественный холм. В этом случае *μαλιζο* в Айртаме — это вся укрепленная часть поселения, поскольку по своим особенностям только она, а не небольшой холм с буддийскими постройками соответствует значению слова крепости, соответственно *μαλιζο* для Сурх-Котала — это весь комплекс укреплений вместе с храмом, а не только центральная его часть.

Таким образом, употребление термина *μαλιζο* в бактрийском языке не было однозначным. Этим термином могли обозначаться: 1) не связанный с поселением или городищем отдельно стоящий сильно укрепленный культовый комплекс; 2) укрепленная часть в самом поселении, иначе говоря крепость.

В этом аспекте употребление термина *μαλιζο* только для цитадели Кампыр-тепе (впрочем, как и для цитаделей других бактрийских городов и поселений) было бы несостоятельным; этот термин, вероятнее всего, применим для обозначения всей укрепленной части крепости Кампыр-тепе.

Погребальные сооружения Кампыр-тепе

Сооружение I. Расположено в северо-западной части могильника на выровненной поверхности холма высотой 1 м. В западной его части первоначально были возведены два отдельно стоящих здания на расстоянии 1,5 м друг от друга. Затем свободное пространство между ними было заложено сырцовым кирпичом $33 \times 33 \times 13$ —14 см, с внешней стороны эта закладка была тщательно оштукатурена. В результате образовалось прямоугольное в плане сооружение ($15 \times 15,1$ м), вытянутое по оси север — юг.

Здание 1 (северное) — подквадратное в плане ($5,95 \times 4,9$ м), включает две прямоугольные в плане камеры ($3 \times 1,65$ м), разделенные стеной шириной 85 см. Главный фасад с порталными выступами (20 см) обращен на восток. Стены здания, возведенные из квадратного сырцового кирпича ($33 \times 33 \times 14$, $34 \times 34 \times 14$ см), заглублены на 10 см в поверхность земли. Они сохранились в высоту от 20 см в северной части до 90 см в восточной, ширина внешних стен 85—90 см. Входы в камеры отсутствуют. На полу камер предметов и костей не найдено. Камеры вдоль стен были заложены квадратным сырцовым кирпичом ($32 \times 32 \times 12$, $33 \times 33 \times 13$ см), а внутри этой закладки комьями глины и обломками сырцового кирпича (рис. 1). На уровне сохранившегося верха закладки найдены три фрагмента человеческих костей — ключица и две фаланги пальцев рук. С внешней стороны стена главного фасада здания была покрыта глиносаманной штукатуркой толщиной в 1 см. В интерьере штукатурка отсутствует.

Здание 2 (южное) — подквадратное в плане ($5,9 \times 4$ м), главным фасадом с порталными выступами обращено на восток. По отношению к первому второе здание выдвинуто на восток на 40 см и также состоит из двух прямоугольных в плане камер ($3 \times 1,75$ м), разделенных стеной толщиной 0,6 м. Стены, заглубленные на 10 см, выстроены из аналогичного сырцового кирпича, сохранившаяся высота от 0,3 до 0,8 м, толщина внешних стен различна: 0,9 — 1,1 м. Входы в камеры отсутствуют. Каме-

¹⁷ Henning W. B. Surkh Kotal.— BSOAS, XVIII, 2, 1956, p. 367.

0 100 200 см

Разрезы по линии Ю-С, 3-В

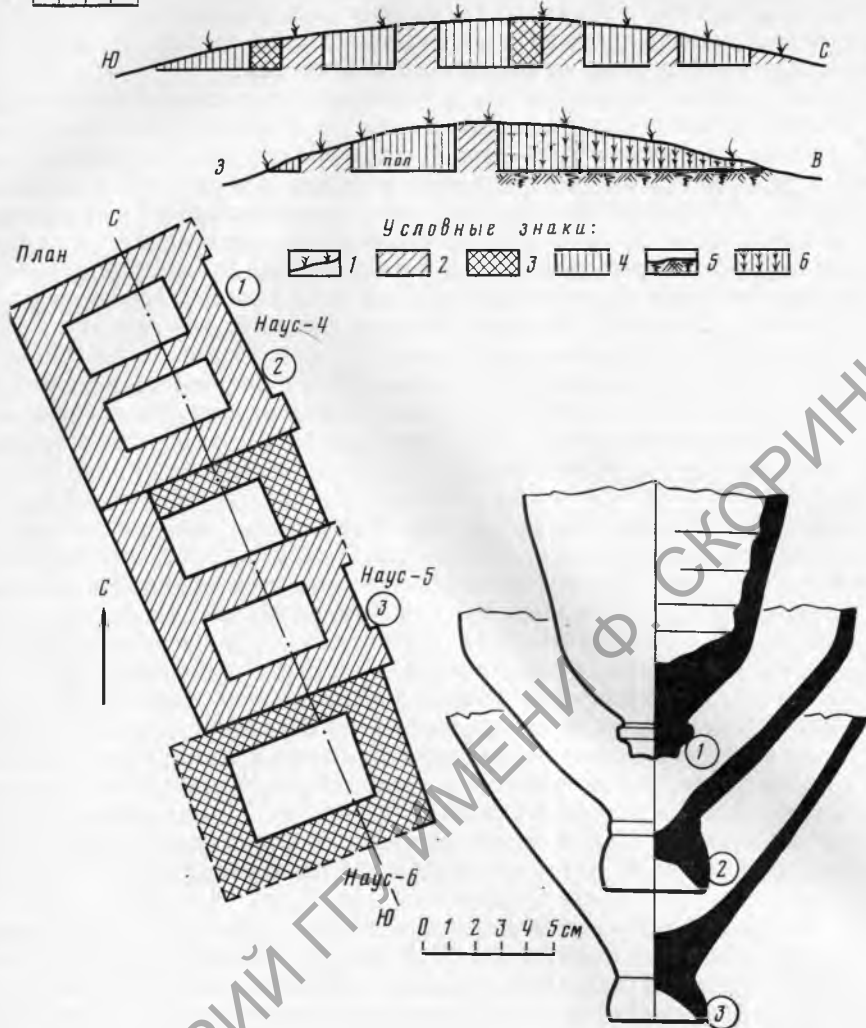

Рис. 3. Погребальное сооружение 3. План, разрез. 1 — дерновый слой; 2 — стена из кирпича $34 \times 34 \times 12$; 3 — пристройки из кирпича $32 \times 32 \times 14$; 4 — забутовка из кирпича и комьев глины; 5 — материк; 6 — рыхлый слой завала

ры были полностью заложены сырцовым кирпичом ($33 \times 33 \times 13$ см (рис. 3). Внутри них никаких предметов и костей не обнаружено.

Восточная половина бугра, свободная от застройки, была насыщена довольно значительным количеством фрагментов керамики. Встречены также кости животных и обломки зернотерок. Отмечены два уровня. Первый уровень представляет собой выровненную поверхность бугра, совпадающую с уровнем полов в камерах зданий. На этом уровне перед зданием 1 стоял красноангобированный кубок, а перед зданием 2 — поильник с носиком - сливом и двуручечный сосуд. На этом же уровне в поверхности холма обнаружены пять углублений диаметром 10—15 см, расположенные дугой на расстоянии 1,2 — 1,5 м друг от друга, от стены здания 1 до северного края бугра. На расстоянии 3,5 м от здания 2 зачищены два очажных пятна с небольшим количеством обгорелых костей животных.

Между первым и вторым уровнями, зафиксированными на высоте 50 см у стены здания и 10 см у края бугра, залегает довольно плотный

Рис. 6. Фрагмент бактрийской надписи $\beta\delta\alpha\lambda\theta$ на бересте

Рис. 7. Фрагмент бактрийской надписи $\alpha\lambda\alpha$ $\psi\mu\sigma\theta$ на бересте

Рис. 8. Двухстрочная бактрийская надпись на сосуде

слой земли темно-коричневого цвета с культурными остатками. В основном это фрагменты керамики, характерной для раннекушанского времени. Второй уровень отмечен прослойкой известковых вкраплений. Выше нее до уровня дневной поверхности идет рыхлый слой, состоящий из надувного песка, культурных остатков, фрагментов кушанской керамики и обломков небольших зернотерок.

Сооружение II. Расположено под углом в 90° по отношению к предыдущему с южной стороны от него, на расстоянии 85 см. Оно прямоугольное в плане ($9,3 \times 4,55$ м), ориентировано строго по странам света. Состоит из двух помещений.

Помещение 1, подквадратное в плане ($3,6 \times 2,8$; $5,5 \times 4,55$ м по внешнему обмеру), обращено на восток входом шириной 70 см с порожек высотой 10 см. В юго-восточном его углу ниша шириной 1 м и глубиной 25 см. Пол ровный, без каких-либо следов культурного слоя. Стены, сохранившиеся в высоту на 0,4—0,8 м, сложены из квадратного сырцового кирпича $34 \times 34 \times 11$ —12 см. Камера полностью забутована тщательно уложенным сырцовым кирпичом $32 \times 32 \times 13$ —14 см. В швах изредка встречались фрагменты кушанской керамики. На уровне верхнего ряда забутовки найдены фаланги пальцев руки и ноги.

К южной стороне помещения 1 позднее были пристроены две параллельные стены шириной 0,85 м, причем западная стена пристройки заподлицо с аналогичной стеной помещения, а восточная — с небольшим, до 15 см отступом от грани стены помещения 1. В результате этого с южной стороны возникло новое помещение 2 ($3,75 \times 3,05$ м) типа глубокого айвана. Стены его изнутри покрыты глино-саманной штукатуркой; в помещении обнаружено небольшое количество фрагментов керамики.

Вдоль главного фасада стояли впритык к стене шесть керамических сосудов. Порядок их размещения с севера на юг следующий: вначале красноангобированный горшочек, в котором находилась красноангобированная чашечка, затем у входа в помещение стоял красноангобированный кубок с вложенной в него чашечкой, покрытой светло-желтым ангобом, красноангобированный кубок и небольшая тарелочка со светло-желтым ангобом.

Кроме того, на расстоянии 1,5 — 2 м от помещения до края бугра найдено довольно значительное количество сильно фрагментированной керамики кушанского времени.

Сооружение III. Расположено в 24 м к северо-востоку от предыдущего. Оно прямоугольное в плане ($12,5 \times 4$ м), ориентировано по оси северо-запад — юго-восток, главным фасадом обращено на северо-восток. Первоначально состояло из двух зданий, соединенных общей юго-западной стеной, и расположенного между ними открытого с северо-восточной стороны помещения.

Здание 1 (северное) — подквадратное в плане ($4,8 \times 4$ м), включает две камеры ($2,1 \times 1,05$), разделенные стеной толщиной 0,55 м. Входы отсутствуют. Главный фасад выделен выдающимися на 0,2 м порталными выступами. Стены, сохранившиеся на высоту 0,2 — 0,75 м, выстроены из квадратного сырцового кирпича $34 \times 34 \times 14$ см, толщина их — 0,8 — 0,9 м. Пол камер ровный, без каких-либо следов культурного слоя. Обе камеры заложены сырцовым кирпичом $32 \times 32 \times 14$, $33 \times 33 \times 14$ см. На уровне верхнего ряда закладки под дерновым слоем найдены фрагменты человеческого черепа.

Здание 2 (южное) — подквадратное в плане ($3,9 \times 3$ м). Главный фасад выделен выступающими на 0,2 м порталными выступами. Первоначально здание состояло из одной камеры ($2,05 \times 1,25$ м). Затем промежуточное между зданиями 1 и 2 открытое помещение было закрыто с северо-восточной стороны стеной толщиной 0,85 м из сырцового кирпича $33 \times 33 \times 14$ см. Дополнительно к юго-восточной стене здания была пристроена стена из аналогичного кирпича. В результате образовалась

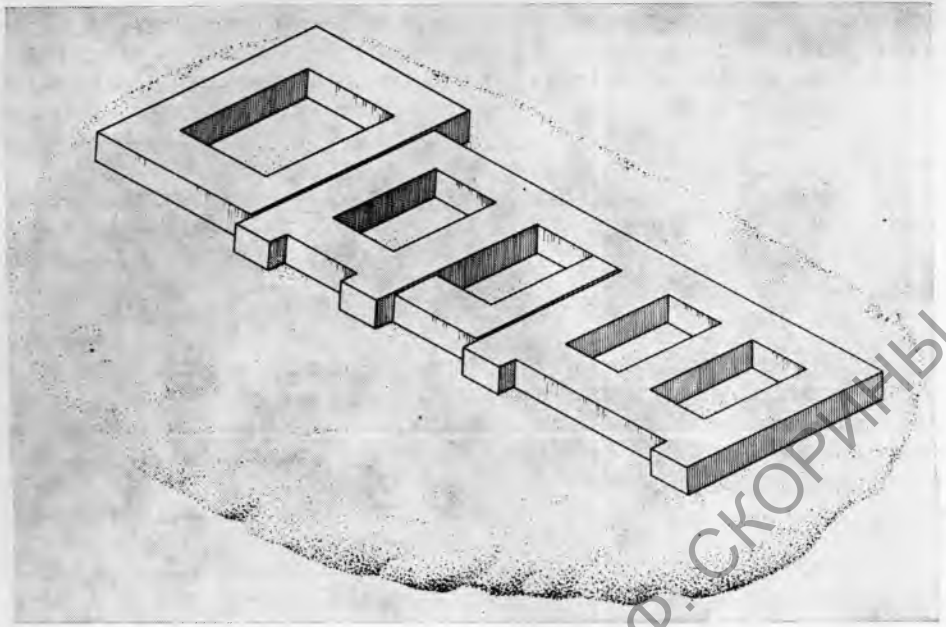

Рис. 4. Погребальное сооружение 3. Аксонометрия

еще одна камера ($2,05 \times 1,3$ м), закрытая со всех сторон. Входы в камеры отсутствуют. Стены сохранились на высоту $0,4 - 0,9$ м (рис. 4), внутри камеры были заложены аналогичным сырцовым кирпичом. На полях никаких предметов и костей не обнаружено. Под дерновым слоем на уровне верхнего ряда закладки найдена ключица и фаланги пальцев.

Здание 3 было пристроено с южной стороны к зданию 2. Подквадратное в плане ($4,3 \times 3,3$ м по внешнему обмеру), оно включает единственную камеру ($2,5 \times 1,7$ м). Вход отсутствует. Стены толщиной $0,8 - 0,9$ м, выстроенные из сырцового кирпича ($33 \times 33 \times 13$ см), сохранились на высоту $0,2 - 0,45$ м. Как и в предыдущих камерах, они покрыты глиносаманной штукатуркой лишь со стороны главного фасада. Пол в камере ровный, без следов смазки и культурных остатков. Никаких предметов и костей в камере не обнаружено (рис. 4).

Культурный слой в восточной половине бугра однороден. Он состоит из надувного песка, разрушенного сырцового кирпича из кладки стен и фрагментов керамики. Перед восточной стеной здания 1 находились красноангобированный бокал и кубок. Еще один кубок стоял перед зданием 2.

Сооружение IV. Расположено в 25 м к северо-востоку от предыдущих. Представляет собой небольшой бугор длиной 9 м, шириной 5 м, высотой 0,8 м. Произведенные раскопки показали, что от находившегося здесь здания сохранились лишь отдельные фрагменты сырцовых кирпичей.

В определении датировки данных сооружений есть два затрудняющих ее момента: 1) полное отсутствие вещей в самих камерах; 2) не совсем ясна последовательность установки сосудов перед наусами — при их возведении ли или спустя некоторое время при совершении поминальных обрядов. Поэтому, говоря о датировке здания, мы имеем в виду не время их основания, а скорее их функционирования.

В целом же обнаруженная керамика аналогична керамике кейчжийско-кушанского времени из ряда археологических памятников Северной Бактрии I в. до н. э. — I в. н. э.

Восточная группа. Занимает ограниченную с запада и юга ложбинкой лессовую возвышенность, расположенную в 110 м к востоку от восточной стены крепости (рис. 1). Основное сооружение прямоуголь-

ного плана, вытянутое по оси север — юг (с небольшим отклонением от оси), длина 66,5 м, ширина от 3 м в южной части до 4,2 м в северной части. Сооружение состоит из трех зданий, отделенных друг от друга проходами шириной 0,6 — 0,75 м.

Здание 1 (южное). В начале его платформа длиной 10,5 — 10,8 м, сложенная из сырцового кирпича $36 \times 36 \times 18$, $40 \times 40 \times 18$ см, сохранившаяся высота 0,5 — 0,6 м. За платформой чередующиеся друг с другом девять камер, разделенных стенами толщиной 0,6 — 0,9 м. Размеры: $5,7 \times 1,9$; $5,6 \times 1,4$; $2,8 \times 1,6$; $2,1 \times 1,4$ м. К западной стене камеры 1 с внешней стороны пристроено еще одно помещение со входом ($1,6 \times 0,8$ м), стены которого сохранились на высоту 0,2 — 0,6 м.

Все камеры внутри заполнены «чистым» лессом. Изредка встречаются фрагменты керамики и обломки сырцового кирпича.

Здание 2 (среднее), прямоугольное в плане ($7 \times 3,5$ м), с единственной камерой ($6 \times 2,8$ м). Высота стен 0,2—0,3 м. Заполнение того же типа.

Здание 3 (южное), прямоугольное в плане, включает две большие камеры ($4,5 \times 2,8$ и $7 \times 2,8$ м) и одну маленькую ($2,8 \times 0,7$ м). Стены сохранились на высоту 0,4—0,5 м. Пол во всех камерах представляет собой выровненную поверхность материала без смазки.

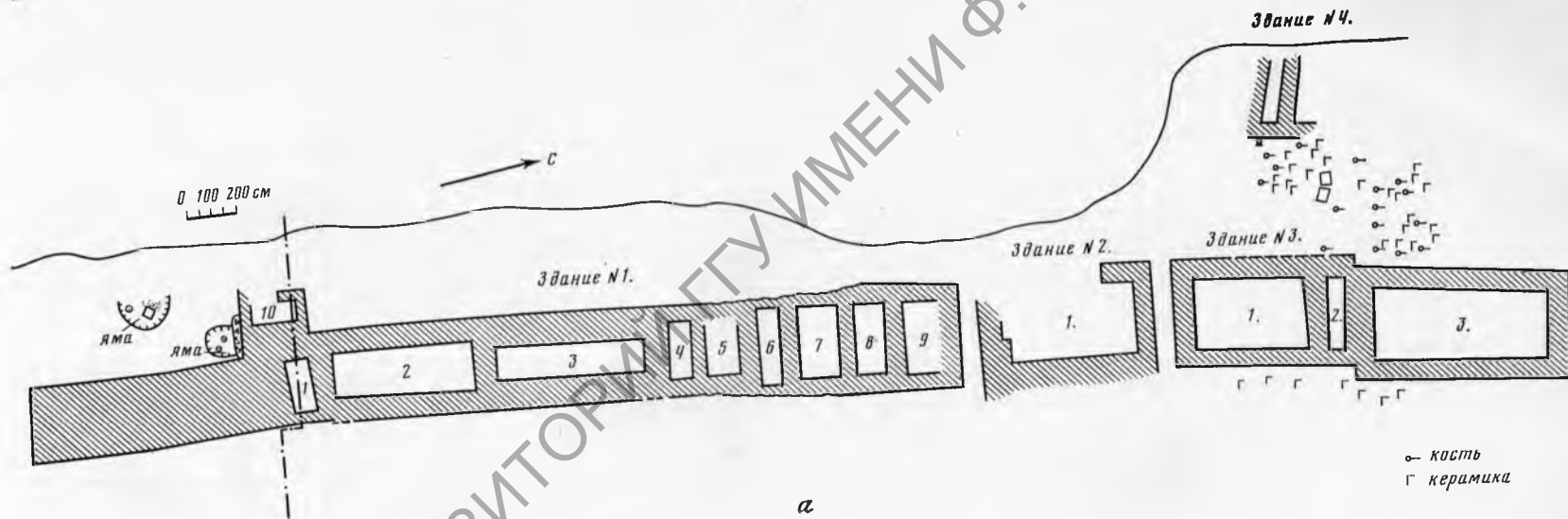
Параллельно зданию 3 на расстоянии 4,7 м с западной стороны имеется еще одно сооружение, состоящее из нескольких сильно разрушенных помещений. Пространство между ними заполнено массой фрагментов разбитых сосудов разнообразных форм. Обнаружены человеческие кости, однако их в целом немного: так, одна берцовая кость лежала внутри на донце хума, фаланги пальцев рук находились под двумя перевернутыми вверх дном мисками. Помимо керамики здесь найдены две бронзовые серьги и медные пластинки. В самих же камерах сооружений 1 и 2 никаких предметов и человеческих костей обнаружено не было, однако раскопки за восточной стеной сооружения 1 принесли неожиданные результаты. Здесь, вдоль стены юго-восточного угла платформы, до камеры 4 был зачищен ров, выкопанный в материковом лессе глубиной 15—18 см, шириной 1 — 1,1 м, длиной 25 м. В двух местах во рву имелись ямы глубиной до 0,4 м, которые были заполнены рыхлой землей, органикой, древесными угольками, поверх ям в трех местах отмечены четыре, вероятно, культовых очага размером $1,6-1,7-1-1,1$ м. Очажный слой их состоит из обгорелых веточек, пепла, опалины и чистой золы, толщина слоя 15—20 м.

Сверху очаги и весь ров были перекрыты слоем глины толщиной 3 см, на котором были уложены обломки и целые сырцовые кирпичи. На этом уровне вдоль стены здания, на полосе, ограниченной шириной рва, в несколько «этажей» размещалось множество сосудов разнообразных форм в специально вырытых ямках, на боку, вверх дном, один в другом, причем как целые, так и умышленно сломанные (рис. 5 а, б). Особо примечательны среди них курильницы вычурных форм, резервуары которых заполнены обгоревшими веточками растений, цветами и сгоревшими плодами шиповника, а также несколько сосудов с росписью. Помимо керамики здесь найдены фрагменты зернотерок и медное колечко, находившееся на дне кубка. На этом же уровне, в разных местах у стен обнаружены человеческие кости, в частности, фрагменты черепных коробок, фаланги пальцев рук и ног, позвонки, лучевые, пяточные и берцовые кости, но общее их количество незначительно.

Толщина данного слоя с керамикой и костями 30—35 см. Он был перекрыт в свою очередь рядом сырцового кирпича, на котором также были уложены керамические сосуды — целые и в обломках, — а также человеческие кости. Общая толщина всего слоя от дна до дневной поверхности 80—90 см.

Среди известных сейчас погребальных и культовых сооружений Бактрии и Средней Азии описанный выше памятник не имеет близких анало-

Рис. 5. а, б. Ката. План, разрез; 6 — 1 — стена, 2 — рыхлый слой с включением костей и керамики, 3 — целая керамика, 4 — песок

гий ни в плане, ни в специфике обряда. Это своеобразный феномен, для объяснения которого могут быть привлечены некоторые сведения из Видевдата. В нем упоминаются три типа погребальных построек зороастрийцев: 1) ката — помещение для временного хранения трупов; 2) дахма — место выставления трупов; 3) астондон или usdāna — костехранилище.

По нашему мнению, нет основания считать рассматриваемое сооружение дахмой или наусом, однако имеются определенные данные, связывающие его с ката. Сведения о них, содержащиеся в Видевдате, были подробно проанализированы К. А. Иностранцевым, но без применения к какому-либо конкретному объекту¹⁸. В пятом фаргарде (10—14) на вопрос, как поступать почитателям Мазды, когда лето прошло и наступила зима и нет возможности для переноса тела на дахму, Ахура Мазда отвечает: «В каждом доме, в каждом поселении пусть возведут три помещения для мертвых». Эти помещения должны быть «достаточно обширны, чтобы не задевать головы стоящего человека, вытянутых ног, протянутых рук — таково правильное помещение для мертвых. Там положат бездыханное тело на две ночи, на три ночи, на месяц, пока не полетят снова птицы, не зацветут растения, не потекут скрытые воды и ветер не высушит землю. Когда же птицы снова полетят, растения зацветут, скрытые воды потекут и ветер высушит землю, тогда почитатели Мазды выставят тело на солнце» (перевод здесь и далее К. А. Иностранцева)¹⁹.

В восьмом фаргарде (4—10) изложено несколько иное правило, но в применении к кампыр-тепинскому сооружению оно более важно, чем первое. На вопрос, что делать почитателям Мазды, когда в их доме умирает собака или человек, а на дворе непогода или же стадо и люди сбились с пути, Ахура Мазда отвечает: «Место этого жилища почитателя Мазды там, где земля наиболее чиста и наиболее суха, где менее всего бывает мелкий и крупный скот, огонь Ахура Мазды, связка (ветвей), посвященных Баресману, и верующие». В отношении расстояния, на котором надо находиться трупу от всех предметов, Ахура Мазда отвечает: «В тридцати шагах от огня, в тридцати шагах от воды, в тридцати шагах от связок (ветвей), посвященных Баресману, в тридцати шагах от верующего. В этом месте верующие выкоплют ров глубиной $\frac{1}{2}$ фута (16 см), если земля тверда, и в $\frac{1}{2}$ человеческого роста, если она мягка, (затем) положат на это место пепел или коровий навоз (курсив наш. — Э. Р.), а сверху кирпичи, камни или очень сухую землю; там поместят они бездыханное тело на две ночи, на три ночи или на месяц, пока не полетят птицы, пока не зацветут растения, пока не потекут скрытые воды и ветер не высушит землю»²⁰. Когда все это наступит, рекомендуется сделать пролом в стене, вынести через него покойника и положить на дахму.

Не столь часто бывает, чтобы сведения письменных источников находили подтверждение в результатах археологических раскопок. Но в данном случае мы имеем почти полное совпадение данных, полученных при раскопках восточной группы погребальных сооружений Кампыр-тепе и сведений Видевдата о месте временного помещения трупа. Находит объяснение и то, почему вскрытые помещения оказались пустыми — это были помещения для временного хранения трупов в случае непогоды или зимнего времени. Они предназначались, видимо, для более состоятельного населения. Описание рва и его заполнения в Видевдате находит почти полное подтверждение в кампыр-тепинском сооружении. Остановимся на частностях.

¹⁸ Иностранцев К. А. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. СПб., 1909, с. 98—101.

¹⁹ Le Zend-Avesta, traduit par J. Darmester. II (Annales du Musée Guimet, XXII). P., 1892, p. 69—71.

²⁰ Ibid., p. 119—121; Иностранцев. Ук. соч., с. 99 сл.

В Видевдате рекомендуется вырыть ров глубиной $1\frac{1}{2}$ фута, т. е. 16 см, если земля твердая. Такой ров имеется вдоль восточного фаса сооружения, он вырыт в очень твердом материковом грунте и в глубину достигает 15—18 см, что почти совпадает с рекомендуемой в Видевдате глубиной. Там же предписано, что дно рва необходимо засыпать пеплом или коровьим навозом, поверх них положить кирпичи, камни или очень сухую землю и затем поместить бездыханное тело. То же самое заполнение отмечено в рве кампыр-тепинского сооружения (описание см. выше).

Итак, проведенные нами сопоставления показывают, что в кампыр-тепинском сооружении имеются оба типа временных хранилищ трупов праведных зороастрийцев — помещение к а т а и ров, рекомендуемые в пятом и восьмом фаргардах Видевдата. В то же время нельзя не отметить некоторые несоответствия, а вернее молчание Видевдата по ряду деталей обряда, зафиксированного в Кампыр-тепе. Так, в Видевдате ничего не сказано о помещении керамических сосудов возле ката и во рву. Возможно, этот обряд связан с древними дозороастрийскими верованиями местного бактрийского населения, привнесенными им в бактрийской зороастризм (мы применяем это определение для отличия от канонического сасанидского зороастризма). Вместе с тем наличие большого количества курильниц со следами возжигания в них огня в кампыр-тепинском сооружении находит объяснение в риваятах индийских зороастрийцев, передающих, как известно, более древние зороастрийские обряды.

Согласно одному из риваятов, вблизи дахмы в специальном сооружении, называемом Sagdi, приспособленном для длительного горения огня, трое суток после помещения покойника должен гореть огонь или лампа. Огонь в Sagdi приносили в железной курильнице, и она должна была помещаться отдельно. Причины же помещения сюда огня таковы: демон Визареш (Vizaresh) пугает души, остающиеся (после смерти) в этом мире на три ночи. Душа отдает себя под защиту огня, и демон Визареш, видя его свет, улетает прочь и не может возбудить в душе страх или ужас вплоть до четвертого дня (после смерти), когда душа достигает Meher Devaz (места суда) ²¹.

Любопытным фактом, отмеченным в кампыр-тепинском сооружении, является отсутствие металлических изделий при огромном количестве керамических сосудов. Этот факт не случаен. Как нам представляется, он находит объяснение в характере застройки прилегающего к этому сооружению участка. Всего лишь в 30 м к востоку от него нами зафиксирован квартал керамистов (где уже раскопана одна керамическая печь). Видимо, это сооружение — ката — принадлежало населению, занимавшемуся керамическим ремеслом. Не случайно и расстояние 30 м, на котором находится данный квартал от ката, совпадающее с рекомендуемыми в Видевдате 30 шагами, которые должны отделять ката и ров от воды, огня, от верующего, от связок (ветвей), посвященных Баресману.

Итак, зафиксированные в Северной Бактрии наземные погребальные постройки по ряду признаков можно сопоставить с двумя из трех типов погребальных сооружений, предписываемых в Видевдате для захоронения зороастрийцев. Первый из них — ката — отражает постройки Кампыр-тепе, второй — наус — погребальные сооружения Дальверзин-тепе, Тепаи-Шах и Ялангтуш-тепе. Хотя термин «наус» широко вошел в научную литературу, употребление его как названия погребальной постройки зафиксировано лишь в раннемусульманское время ²². Видевдате для обозначения костехранилища применен совершенно другой термин —

²¹ The Persian rivayats of Harmazzyar. Framazz and other. Their version with introduction and notes E. Dhalhar. Bombay, 1932, p. 58. Указанием на эту работу я обязан Б. А. Литвицкому, которому приношу искреннюю благодарность.

²² *Иностранцев* Н. А. Туркестанские оссуарии и астоданы. — ЗВОРАО, XVII, 1907, с. 170.

uzdāna²³, каковой, как показал В. Хеннинг, означает «склеп, гробница»²⁴. Поскольку в Бактрии костехранилищами являются именно склепы, а не какие-либо другие типы сооружений, то употребление термина *uzdāna*, на наш взгляд, более правомерно, чем применение слова «наус».

Памятники письменности. При раскопках здания 1, в помещениях 2 и 9 обнаружены бактрийские курсивные надписи, выполненные на бересте и глиняном сосуде.

Помещение 9 — это небольшая квадратная в плане комната (4 × 2,8 м), расположенная в восточной части здания 1. Сохранность стен в этом помещении 0,4 — 0,6 м. Характер заполнения помещения следующий: верхний слой — надувная пушонка толщиной 10 см, под ней слой натека толщиной 15 см. Ниже до пола идет слой завала из сырцовых кирпичей — целых и обломков. Фрагменты бересты были обнаружены почти по всей площади пола помещения, под завалом и в завале, но большая их часть находилась у восточной стены помещения, начиная от прохода до юго-восточного угла помещения.

Всего обнаружено около 30 фрагментов бересты различных размеров. Кроме того, рядом с проходом найдено несколько слипшихся друг с другом целых тончайших листков бересты, свернувшихся в трубочку и распавшихся на несколько фрагментов при расчистке. Ширина листков примерно 5 см, толщина — 0,1—0,2 см. Надписи, очень хорошо сохранившиеся, несмотря на почти двухтысячелетнее пребывание в земле, нанесены с двух сторон черной «тушью», с левой стороны листков — довольно широкие поля до 1,5 см, надписи нанесены ровными строками, расстояние между строк 2 — 2,5 см, количество строк на одном листке пока не удалось установить, но на некоторых фрагментах заметны три и даже четыре строки. Буквы почти одинаковы по высоте, от 3 до 5 мм. Размеры фрагментов (в см): 2,6 × 1,6; 2,9 × 1,2 × 1,3; 0,8 × 0,3 и т. д. Надписи выполнены курсивным бактрийским письмом, язык надписей — бактрийский. Об этом, в частности, свидетельствует, несмотря на невозможность пока более или менее связного прочтения, наличие отдельных предлогов и слов, характерных для бактрийского языка. На двух фрагментах имеется слово *αβο*, передающее или предлог «в, на» или существительное «вода». На одном фрагменте сохранилось сочетание... *βιδοαβο*, где *βιδο*, скорее всего, бактрийский суффикс должностных лиц (ср. *ασβαροβιδο* — начальник кавалерии в надписи на гемме из Эрмитажа, *ζενοβιδο* «начальник арсенала») ²⁵ (рис. 6). Следовательно, в этом предложении шла речь о каком-то должностном лице. На другом фрагменте сохранились остатки двух слов: ...*αλα αλσο*, где *αλα* — орфографический вариант суффикса *αλο*, известного по ряду слов большой сурх-котальской надписи (ср. *αλοφραλο* в версии М.). В другом случае *αλα*, написанное отдельно от другого слова, передавало, видимо, значение предлога «с» (рис. 7).

Большой интерес вызывает наличие на одном из фрагментов слова *αδρο*, являвшегося или обозначением бактрийского божества *αχσο* < **vaχs(a)* или названием главной реки Бактрии Окса-Вахша-Амударьи ²⁶. Множество остальных фрагментов с одной, двумя и немногими буквами пока не дает никакого связного текста. Будем надеяться, что проводимая реставрация рукописей позволит в будущем прочесть если не весь текст, то хотя бы отдельные предложения и слова. Датировка рукописей не вызывает сомнения. Рядом с ними в одном слое, на одном уровне пола найдена монета Канишки, определяющая время функционирования помещения во второй период его обживания, аналогичные монеты датируют второй период и в других помещениях этого здания. Поскольку при всех разногласиях в точном определении времени правления Канишки оно

²³ *Boyce M. A History of Zoroastrism. Leiden—Köln, 1975. p. 326 f.*

²⁴ *Henning W. B. Sogdian Tales.— BSOAS, XI, 3, 1945, p. 479.*

²⁵ *Henning W. B. A Bactrian Seal-Inscription.— BSOAS, XXV, 2, 1962, p. 335.*

²⁶ Основы иранского языкознания..., с. 322.

после находки клада из Бард-и Нишанде (где вместе с парфянской тетрадрахмой первой половины II в. н. э. и элимаидскими монетами II в. н. э. найдена монета Канишки) бесспорно должно быть отнесено к периоду ранее III в. н. э. и, вероятнее всего, к первой половине — середине II в. н. э., то соответственно этим же временем возможно датировать найденные нами бактрийские рукописи.

До находок на Кампыр-тепе бактрийских рукописей кушанского времени как на территории Бактрии, так и за ее пределами не было известно. По палеографическим и археологическим данным самой старой (предположительно IV в. н. э.) бактрийской рукописью считался «лондонский фрагмент» или «фрагмент из Лоу-ляна», найденный А. Стейном в развалинах Лоу-Ляна в Восточном Туркестане и в настоящее время утраченный²⁷.

К VIII—IX вв. н. э. относятся семь обрывков на бересте, бумаге и пальмовых листьях — так называемых «берлинских эфталитских фрагментов», обнаруженных в 1905 г. А. фон Ле Коком в руинах монастыря в долине Гуйока (Восточный Туркестан, Турфанский оазис). Эти фрагменты ввиду плохой сохранности также не поддаются связному прочтению, за исключением ряда слов и выражений.

Таким образом, открытия на Кампыр-тепе позволяют на несколько столетий удревнить бытование бактрийских рукописных текстов и высказать предположение о том, что бактрийское курсивное письмо для записи деловых и хозяйственных документов могло применяться одновременно с монументальным письмом на монетах, каменных плитах и черепках сосудов.

Обращаясь к палеографии надписей на кампыр-тепинских рукописях, отметим, что для них характерна невыдержанность стиля; наряду со слитным написанием имеется раздельное написание букв и сочетание округлых, характерных для курсивного письма, и угловатых, свойственных монументальному письму букв. В частности, характерен округлый завиток нижней части влево, что совсем не свойственно монументальному письму, *альфа* и *бета* также имеют округлую форму, но написание *сигмы* и особенно *дельты* мало чем еще отличается от написания этих же букв в монументальных надписях. В целом написание букв на кампыр-тепинских рукописных фрагментах отличаются от букв в курсивных надписях-граффити из Кара-тепе и в курсивных же надписях на черепках близкого времени. Возможно, что эти отличия диктовались спецификой материала, однако не исключено, что в Бактрии уже в самого начала было выработано своего рода «книжное» письмо. Возьмем для сравнения палеографию надписи на рукописях и надписи на сосуде, обнаруженном в помещении 2 этого же здания, в культурном слое того же времени на полу второго периода. Надпись двухстрочная, выполнена черной «тушью» по ангобу, сохранилась частично, поскольку сосуд обломан с двух сторон. Для надписи характерно слитное написание букв и значительно более ярко выраженная курсивность, все буквы округлые, угловатые формы отсутствуют, только написание *сигмы* напоминает *сигму* в монументальных надписях. *Альфа* здесь всегда с длинным хвостом, тогда как на рукописях он короткий, *бета* с наклоном вправо, в рукописях она прямая, различны начертания *ю* и *юта*. *Юта* в рукописных фрагментах прямая, такая же, как и в монументальном письме, *юта* в надписи на сосуде верхним концом загнута влево; отличаются и другие формы букв (рис. 8).

Итак, перед нами два вида курсива, бытовавшие во II в. н. э., — один из них более архаичный, сочетающий курсивность и монументальность букв, второй — целиком курсивный. Если бы не находки их в одном хронологически однородном слое, можно было бы полагать, что они отражают разные этапы развития бактрийского курсивного письма. Но, может

²⁷ Там же, с. 324; Gershevitch. The Bactrian Inscription..., p. 27—57.

быть, эти различия определялись спецификой материала и особенно почерков разных писцов?

Членение надписи на отдельные слова из-за слитности написания, возможного наличия лигатур(?) вызывает определенные трудности. Предложенные ниже варианты не окончательны:

- I. 1. ... σαρβαβο ιαυδο ι(?)ταζ...
..γο μαβο νιδιρ/ρο π..
2. ... σαρβαβο ιαυδο σταζ..
...γο μαβο νιδιρ/ρο π...

Разумеется, в журнальной статье невозможно осветить все открытия и находки, полученные за три полевых сезона археологических исследований на городище Кампыр-тепе. В частности, найдено более ста монет, в том числе греко-бактрийские — Евтидема и Евкратида, юечжийские — Сападбиза и «варварского» Гелиокла, парфянские, кушанские — Сотера Мегаса, Кадфиза II, Канишки, богатый комплекс керамики, терракоты и другие археологические материалы. Анализ и интерпретация их составит не одну статью. Следует в то же время сказать, что полученные материалы позволяют рассматривать не только вопросы кушанской археологии, но — в совокупности данных — широкие проблемы кушанской истории, что является наиболее важным итогом проведенных исследований.

A KUSHAN FORTRESS AT KAMPYR-TEPE

E. V. Rtveladze

The author reports on the results obtained by archaeological investigation of the Kushan settlement at Kampyr-tepe (Kafir-kala) on the right bank of the Amudarya in the Sukhandarya oblast. Excavations were conducted by a group from the Uzbek Arts Expedition in 1979 and 1982—1983 and had important results for students of the internal structure of a Kushan settlement in the time of Soter Megas, Kadphises and Kanishka. The dig uncovered unique tomb structures which, though they have no analogue elsewhere, are described in written sources (in Videvdat). Also found were several manuscript fragments written on birchbark and clay pottery in the Bactrian language, apparently from the first half and middle of the 2nd century A. D.— that is, several centuries earlier than any such writings hitherto known.

